

Правовое положение колхозного крестьянства в СССР: от крепостничества к фермерству

Статья посвящена актуальной и достаточно разработанной теме. Исследование проведено на материалах архивных фондов Свердловской области и Российской Федерации с привлечением научной и публицистической литературы. Делается вывод, что советское колхозное крестьянство с 1930-х и вплоть до 1970-х гг. представляло собой наиболее ущемленную в правовом отношении категорию населения.

Ключевые слова: СССР; колхозное крестьянство; паспортная система; трудовые отношения; административное принуждение.

Автор настоящей статьи не впервые обращается к проблематике истории развития правовых основ трудовых отношений в Советском Союзе [2; 3]. Теперь же речь пойдет о правовом положении колхозного крестьянства в нашей бывшей стране, т. е. о самой, пожалуй, наиболее ущемленной в правовом отношении категории населения. Следует начать с того, что корни исследуемой проблемы нужно искать в марксистско-ленинской идеологии. Она, как известно, исходила из того, что крестьянству, в отличие от пролетариата, уже по определению в массе своей свойственно «мелкобуржуазное мировоззрение». Исключение при этом делалось разве что для беднейшей прослойки сельского населения. Отсюда неизбежно следовало, что крестьянство в большинстве своем, является, по сути, классом отсталым и даже реакционным.

Такое «второстепенное» отношение к крестьянству не могло не найти своего отражения после прихода к власти коммунистов и в формирующейся правовой системе советского государства. Как нам представляется, первым таким законодательным моментом, напрямую ущемляющим права крестьянства, стало введение в СССР паспортной системы. Как известно, она была провозглашена 27 декабря 1932 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» № 57/1917¹. Вскоре вслед за упомянутым вышло еще одно постановление СНК СССР № 43 от 14 января 1933 г.², которым утверждалась «Инструкция о выдаче паспортов».

Конечно, введение паспортной системы ограничивало права всех граждан, так как эта система устанавливала в стране, по сути, элементы

---

¹ *Известия* ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. № 358. 28 дек.

² *Известия* ЦИК СССР и ВЦИК. 1933. № 15. 15 янв.

феодално-крепостной зависимости: от граждан теперь требовалась обязательная прописка паспортов в органах милиции в течение суток после прибытия граждан на новое место проживания и столь же обязательная выписка для тех, кто уезжал с данной территории на срок более двух месяцев. Кроме того, в паспорте фиксировалось социальное положение гражданина, его постоянное место проживания, отношение к воинской обязанности и т. д. Таким образом, фактически введение паспортной системы со всеми ее бюрократическими атрибутами (паспортными столами, столами учета и т. д.) означало установление системы тотального контроля населения страны.

Отныне все предприятия и учреждения должны были требовать от принимаемых на работу паспорта, отмечая в них время зачисления в штат. Кроме того, секретной частью «Инструкции о выдаче паспортов» устанавливался целый ряд ограничений для получения паспортов и прописки в так называемых режимных городах и местностях для «подозрительных» с точки зрения властей граждан. К 1953 г. «режим» распространился уже более чем на 300 крупных населенных пунктов и на всю пограничную зону вдоль всей границы страны шириной от 15 до 200 км (на Дальнем Востоке — до 500). При этом Закарпатская, Калининградская, Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, в том числе Камчатка, были полностью объявлены режимными местностями [5].

Но так как при этом крестьянам-колхозникам паспорта не выдавались вообще, то для них режимной территорией стала практически вся страна. Между тем желающих покинуть сельскую местность и начать новую жизнь в городских условиях было очень много по целому ряду причин. Пожалуй, главной из них было сильное различие в материально-бытовых условиях жизни сельского и городского населения. Здесь, прежде всего, следует сказать о том, что оплата труда во многих колхозах была просто символической: так, среднестатистический колхозник Башкирии за весь 1946 г. получил от колхоза и МТС всего 11, а за 1950-й — 22 р. Для сравнения: аналогичные цифры составили по Оренбургской области — 69 и 77, по Свердловской — 118 и 96 р.¹

Мизерность таких выплат хорошо видна на следующем примере: в 1950 г. колхозник Башкирии на весь свой годовой денежный доход от колхоза мог приобрести в государственной торговле из продуктов только 11 кг ржаного хлеба или 7 л молока. Если бы он захотел купить

---

¹ *Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1830. Л. 54, 56, 139, 141, Д. 3714. Л. 65–66, 167–168; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 518. Л. 20–21, Оп. 14. Д. 657. Л. 13, 25.*

себе что-то из одежды, то этих «денег» хватило бы только на покупку, например, трех пар носков. Наконец, из предметов домашнего обихода он смог бы купить эмалированный чайник [1, с. 97–100]. Известный советский писатель Ю. Нагибин в своем «Дневнике» за 1962 г. приводит такое высказывание одного из крестьян, который так сказал о колхозном бытии: «Позорная наша жизнь... Я вон сто пятьдесят трудодней выработал, а мне приносят семь рублей пятьдесят копеек под расчет, да еще требуют в ведомости расписаться... Ну неужели мой труд настолько хуже и ниже труда рабочего человека? Тот ведь за два дня столько получает, а я за весь год. А ведь мы хлеб работаем, хлеб, без него никакой жизни невозможно» [4, с. 159].

Кроме того, на селе фактически не действовал КЗОТ, в результате чего колхозники имели ненормированный рабочий день, по окончании которого еще и вынуждены были уделять время для работы на собственном подворье. В результате рабочий день крестьянина-колхозника продолжался, как говорят, «от зари до зари». Если ко всему сказанному добавить еще и катастрофическую нехватку на селе учреждений культуры, образования, здравоохранения, связи, финансово-кредитных учреждений (т. е. всего того, что мы называем социальной инфраструктурой), то становится понятно, почему многие жители деревни хотели ее покинуть.

Здесь надо, конечно, сказать, что определенные возможности покинуть деревню у колхозников все-таки оставались. И происходило это не только по причине недосмотра властей. Дело было в том, что советское государство безуспешно пыталось достичь одновременно двух противоположных целей: с одной стороны, необходимо было наконец-то накормить население хотя бы хлебом, а с другой — обеспечить огромное число промышленных предприятий рабочей силой. Именно поэтому в законодательстве все-таки оставались лазейки для наиболее настойчивых и находчивых колхозников.

Это, во-первых, так называемое отходничество, т. е. возможность заключить трудовые договора с городскими предприятиями и под этим предлогом переехать на жительство в город с последующим оформлением общегражданского паспорта. Например, если колхозник смог «завербоваться» на одно из предприятий Москвы, то он получал право прописки в столице (а, следовательно, и получение паспорта) через два года работы. Именно таким образом в крупнейшем городе нашей страны стала формироваться многочисленная прослойка так называемых «лимитчиков». Во-вторых, молодые колхозники (в основном — мужчины) после прохождения воинской службы могли не возвращаться в свой колхоз. Наконец, в-третьих, колхозник теоретически мог получить

справку-разрешение в сельсовете на отъезд в город или любое другое место.

Распространено мнение, что правовое положение колхозного крестьянства значительно улучшилось после смерти И. В. Сталина, но это не соответствует действительности. Конечно, общая обстановка в стране после смерти диктатора и его развенчания на XX съезде КПСС значительно оздоровилась, но получение паспорта для большинства колхозников по-прежнему оставалось проблемой. Так, в секретном циркуляре № 42 уже от 27 февраля 1958 г. министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров по-прежнему требовал от своих подчиненных, чтобы они препятствовали выезду граждан из «непаспортизированных» территорий даже по справкам сельских советов [5].

Полное же уравнивание в правовом положении колхозного крестьянства наступило только с принятием 28 августа 1974 г. постановления Совмина СССР от 28 августа 1974 г. № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР», согласно которому с 1976 г. паспорта вводились уже для всех граждан СССР, достигших 16-летнего возраста. При этом выдача и обмен паспортов должны были проводиться еще целых пять лет — с 1976 по 1981 гг.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В., Букин С. С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск: Наука, 1980. 215 с.
2. *Мамяченков В. Н.* Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х — начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. № 4. С. 168–187.
3. *Мамяченков В. Н.* Ужесточение трудового законодательства советским государством накануне Великой Отечественной войны: причины, последствия и уроки на будущее // Достойный труд — основа стабильного общества: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 10–12 ноября 2022 г.). Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 173–177.
4. *Нагибин Ю. М.* Дневник. 2-е изд., доп. и сверен. М.: Кн. сад, 1996. 698 с.
5. *Попов В.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 185–203.